

ших сферах началось серьезное беспокойство по поводу создавшегося положения, а вслед за этим пришло сообщение о снятии с поста командующего армией, то в первую минуту нам это показалось неуместной шуткой. Когда же это подтвердилось, то всех охватило чувство глубокого огорчения.

Время — великий исцелитель. Будем надеяться, что правдивые сведения, приведенные мной, со временем вытеснят то неправильное впечатление, которое создалось в эти исторические дни как в высших сферах, так и в народных массах: то была не катастрофа, а великое достижение, которому предшествовал крупный успех в работе разведки, давший возможность предупредить армию о подготовлявшемся германцами наступлении.

Примечание автора. В этой главе германский план преднамеренно изложен мною в свете той информации, которая в то время была известна пятой армии. В действительности, роль фон Гутье была лишь вспомогательной по отношению к роли Марвица, и Амьен не был первоначальной целью этого плана (см. *Лидль-Харт*, Правда о войне 1914—1918 гг.)

ГЛАВА XVIII

НАБЕГ НА ЗЕЕБРЮГГЕ

(1918)

1

Хотя набег на Зеибрюгге в день св. Георгия (23 апреля) в 1918 г. и был небольшой операцией по сравнению с другими, более крупными событиями войны, но зато он явился одним из самых драматических эпизодов. К тому же он был произведен как раз в нужный момент.

Проходили годы, полные тяжелых и как будто бесплодных жертв, не открывая, казалось, никаких шансов на победу. В авторитетных кругах уже раздавались голоса в пользу заключения компромиссного мира, и хотя население Британской империи было полно твердой решимости биться до победного конца, положение, однако, было тяжелое: вслед за обескураживающими событиями 1917 г. последовали страшные испытания армий Хейга на западном фронте в марте и в первые недели апреля 1918 г.

Ко всем печальным явлениям войны на суше присоединилась беспощадная подводная война, предпринятая германцами в начале 1917 г. Она напомнила лишний раз

британскому народу, что его существование зависит от обеспечения свободы торговых сношений Соединенного королевства с другими странами. Этот урок, подтвержденный всеми крупными войнами в истории, мы иногда забывали. Судя по количеству войск, которые были оставлены в Соединенном королевстве, власти опасались даже вторжения неприятеля в страну.

Невольно напрашивается историческая параллель: аналогия с летом 1805 г. — с месяцами, предшествовавшими трафальгарской битве, когда вся страна была охвачена страхом перед нашествием великой армии Наполеона. Бархэм, этот замечательный старый моряк, писал тогда премьер-министру Питту сейчас же после того, как он после Мельвиля принял должность морского министра: «Если наш флот не перейдет к решительным действиям, то мы пойдем ко дну под тяжестью удара, который готовится против нас... Нужно что-то предпринять, и притом немедленно: одни оборонительные операции... должны кончиться банкротством». Он предлагал произвести неожиданный десант на острове Минорка, который тогда был в руках французов, пользовавшихся им как базой для военных кораблей, а эта база была тогда бельмом на глазу морских властей, ответственных за безопасность пути в Мальту, и другие порты Средиземного моря.

Недавно один американский морской офицер¹, говоря о зеебрюггском рейде, приводил мнение, которое когда-то было высказано Вульфом, героем битвы при Квебеке:

«При особых обстоятельствах и в особые моменты потеря тысячи бойцов является для нации скорее достижением, чем уроном, ибо такие смелые вылазки поднимают ее престиж, между тем как обратное подрывает доверие к ее силе, губит войска и порождает бесконечные тревоги и недовольство внутри страны».

Как член секретариата военного кабинета в начале 1918 г. я могу подтвердить, что в Уайтхолле действительно испытывали некоторое беспокойство. В стране стало назревать мнение, что мы дошли до предела и что дальнейшие жертвы жизнью британских солдат во Франции и во Фландрии бесполезны. Казалось, что на победу над германской армией рассчитывать не приходится, пока на фронте не появятся обученные американские войска в достаточном количестве, чтобы дать перевес союзникам.

¹ Lieut.-Commander H. H. Frost. U. S. N. (United States Naval Institute Proceedings) [«Протоколы заседаний Морского института США. Доклад лейтенанта Г. Г. Фроста»].

Беспощадная подводная война в 1917 г. угрожала поставить на колени Британию, главную опору Антанты, в тот момент, когда США, недавно примкнувшие к войне, начали готовить огромную армию для участия в борьбе. Если бы Британия тогда выбыла из строя, американская армия совсем не попала бы на театр военных действий: хотя опасность морских сообщений постепенно уменьшалась, все же трудность обеспечения безопасности транспортов, прибывавших в европейские воды, казалась почти непреодолимой. Побережье Фландрии служило базой для многочисленных подводных лодок, применявших торпеды или расставлявших мины в открытом море. Именно эти корабли потопили значительную часть торгового флота; по германским подсчетам, приведенным адмиралом Шерером, 23% потерь были вызваны действием торпед и орудий именно этих подводных лодок. Мы не знаем, какая доля потерь была причинена минами, но и она, несомненно, была значительна. До конца 1917 г. германские подводные лодки, как торпедоносные, так и миноносные, проходили через Ламанш в обоих направлениях, несмотря на заградительные сети, установленные по линии Дюнкерк — Гудвин. Это заграждение было снято и вместо него 1 января 1918 г. поставлено заграждение по линии Фолькестон — Гри-Нэ (Gris-Nez). Оборонительные меры оказались недействительными. Но нет ли возможности удар нанести со стороны моря по базам подводных лодок во Фландрии? Какой бы отчаянной ни казалась такая попытка, она все же могла удовлетворить хотя бы тем требованиям, которые в старые времена предъявляли такие люди, как Уолфи и Бархэм.

Уже не раз выдвигались проекты нанесения удара по базам подводных лодок, но они не проводились в жизнь. Между тем, каждый месяц отсрочки делал задачу все более трудной. Неприятелю была дана возможность построить сильные укрепления на побережье, и на них к 1918 г. было не меньше 136 тяжелых орудий калибром от 6 до 15 дюймов, в том числе 6 орудий этого крупнейшего калибра, 4 — двенадцатидюймовых и 31 — одиннадцатидюймовых, а кроме того 90 орудий более мелкого калибра. Адмирал сэр Льюис Бейли был одним из первых, кто предлагал наступательные действия против баз подводных лодок. Реджинальд Тайруит из Гарвича также еще 25 ноября 1916 г. выдвинул подобное предложение и впоследствии неоднократно настаивал на его осуществлении. Наконец, 3 декабря 1917 г. плановый сектор морского штаба

адмиралтейства выработал свой план блокирования входа в каналы у Зеэбрюгге и Остенде. Этот план был послан вице-адмиралу сэру Реджинальду Бекону, командовавшему дуврским патрульным флотом, а он через две недели (18 декабря) представил в адмиралтейство свой собственный проект, предусматривавший использование сухопутных войск и мониторов с особыми сходнями в носовой части. Эти мониторы должны были прямо упереться в мол Зеэбрюгге и оставаться в таком положении, пока не будет высажен десант. Проект такой экспедиции был в принципе одобрен первым морским лордом Джеллико, но он через несколько дней ушел из адмиралтейства, и его пост занял сэр Росли Уэмис (впоследствии лорд Уэстер Уэмис).

1 января 1918 г. сэр Роджер Кейс, начальник планового сектора адмиралтейства, откуда исходило предложение о безотлагательном принятии активных мер, был назначен командующим дуврским патрульным флотом, и адмиралтейство предоставило ему свободу действий в осуществлении плана блокирования входов в каналы.

Теперь обратимся к рассмотрению задачи, которую предстояло выполнить, и к тем мероприятиям, которые должны были обеспечить тайну этого дела, являвшуюся предпосылкой успеха.

Сущность плана состояла в том, чтобы ввести блокшипы¹ у Зеэбрюгге и Остенде в устья каналов, ведущих в Брюгге, где находилась германская база подводных лодок, истребителей и других легких кораблей. Стоит подробнее остановиться на всем этом предприятии, сравнив его с высадкой десанта в Галлиполи три года назад, — с операцией, которую мы в одной из предшествующих глав охарактеризовали как пример полнейшего несоблюдения военной тайны. Для обеспечения тайны прежде всего было решено, как можно меньше записывать на бумаге. Планы рейда обсуждались (в декабре) на заседаниях в адмиралтействе; о них, стало быть, знали больше, чем три человека. В связи с этим уместно вспомнить известную поговорку, что секрет перестает быть секретом, если о нем знают трое. По плану, между прочим, предполагалось использовать для операции некоторые суда мелкой осадки («Айрис» и «Дефодил»), которые применялись как паромные суда на р. Мерси. Главный морской цензор сэр Дуглас

¹ Блокшип — демонтированный корабль, нагруженный балластом и применяемый для заградительных целей в узких водах. — *Прим. перев.*

Броунригг рассказывает в своей книге, что благодаря этому обстоятельству он случайно узнал о зеебрюггском плане. Он не указывает точной даты: по его словам, это имело место в самом начале 1918 г. Находясь в своем кабинете в адмиралтействе вместе с сотрудниками, он услышал, как один морской офицер спросил одного из его помощников, какие газеты издаются в Ливерпуле. Броунригг спросил, зачем ему нужны такие сведения, и получил ответ, что это дело секретное. Так как спрашивавший занимал высокий пост (не в плановом ли секторе?), то стало ясно, что речь идет о чем-то важном. Броунригг обещал сделать все необходимое в отношении прессы, которая была под его наблюдением.

Затем он рассказал эту историю заместителю начальника штаба адмиралтейства и узнал от него, что паромные суда «Айрис» и «Дефодил» нужны для рейда, о котором никто не должен ничего знать. Броунригг указал, что было бы бесполезно доверить тайну адмиралтейства только ливерпульским газетам: отсутствие паромов на Мерси вызовет интерес у миллионов людей не только в Ливерпуле, но и в Биркенхеде, Сальфорде, Манчестере и ряде других городов, где также выходят газеты, в которых могут появиться жалобы по поводу исчезновения паромных судов. Тогда главному морскому цензору было разрешено поступить так, как он найдет нужным. Ему пришлось поделиться тайной с директорами бюро печати, и в результате было решено посвятить в это дело по секрету редакторов всех газет, не только местных, полагаясь на то, что все они проникнуты патриотизмом и сумеют сохранить тайну. Так и было сделано, и Броунригг утверждает: «Никто не проболтался, и нигде ничего не просочилось. Никогда не было сделано ни малейшего намека по этому поводу, и печать лояльно выполнила пожелания адмиралтейства, как она поступала всегда, когда ей указывалось, чего мы от нее ожидаем». По словам Броунригга, он посетил также спикера (председателя) палаты общин и поделился с ним секретом. Спикер обещал, что если кто-нибудь из членов палаты пожелает поднять вопрос о реквизиции упомянутых двух судов, он в личном разговоре разъяснит ему, в чем дело, и попросит его не поднимать вопрос на заседаниях.

Броунригг гарантирует, что через печать никакие сведения не просочились. Однако в некоторых военных казармах говорилось о предполагаемом рейде за несколько недель до того, как он осуществился. Вот, например, доне-

сение от 12 марта из одной казармы: «У нас в казарме идет слух о том, что адмиралтейство намерено послать 4 или 5 старых кораблей, наполненных цементом, ко входу в один из каналов у Зебрюгге, там вступить в бой с противником и потопить эти нагруженные пароходы в канале, чтобы заблокировать его и не дать возможности подводным лодкам выходить из своей базы. Говорят, на сделанное матросам предложение пойти добровольцами в состав команды этих пароходов сразу откликнулось достаточное количество. Добровольцам дается несколько дней отпуска до посадки на пароходы, и слухи эти, повидимому, распространяются ими во время отпуска».

Может быть, оно и так, но я все-таки сомневаюсь в этом. Я могу со своей стороны ручаться за своих старых добровольцев из корпуса королевской морской артиллерии, которой я командовал до конца 1917 г. Я встретил группу их на станции Ватерлоо, когда они уезжали к месту назначения, и долго разговаривал с унтер-офицерами, которых я хорошо знал. Они были очень сдержанны и старались ничего не выболтать даже своему старому начальнику. (Позднее я удостоверился, что они сами ничего не знали и, значит, ничего не могли выболтать во время своего последнего отпуска.)

Сэр Роджер Кейс, должно быть, предвидел возможность некоторой утечки информации и поэтому решил «весьма секретно» пустить в оборот определенную версию о снаряжении старых пароходов и о тренировке моряков и морской пехоты для некоего таинственного предприятия. Любителям болтовни всегда нужно давать какой-нибудь правдоподобный материал для разговоров. Дневники покойного сэра Генри Вильсона показывают, какая тревога царил в Лондоне начиная с марта 1918 г. в связи с опасениями, что германская армия может прорваться до портов Ламанша и даже занять Дюнкерк и Кале. Эти опасения и были использованы сэром Роджером для распространения «в секретном порядке» слухов, что Дюнкерк и Кале могут быть эвакуированы союзниками, а поэтому принимаются меры для блокировки их гаваней и с этой-де целью подбираются специальные корабли, а морская артиллерия в Шуберинесе и морская пехота в Диле специально тренируются для участия в этой операции. При этом подчеркивалась необходимость хранить все в тайне.

Разумеется, план был конфиденциально сообщен генерал-адъютанту морской пехоты и морской артиллерии,

потому что помощь этих частей была необходима при самом десанте и для обеспечения орудийной прислугой и пулеметчиками «Виндиктива», старого крейсера, который был предназначен для переброски основной части десантных войск. Суть дела была сообщена тогдашнему генерал-адъютанту, покойному сэру Давиду Мерсиру, 8 января.

Сразу же начались подготовительные работы, и 24 февраля сэр Роджер Кейс прибыл в Лондон и доложил адмиралтейству о своем плане, который к тому времени уже принял вполне определенные формы. Одним из важных условий плана было применение дымовой завесы, пущенной небольшим судном. При проверке обнаружилось, что химический состав, на котором остановили выбор руководители дуврской патрульной эскадры накануне рождества 1917 г., не соответствует этой цели, так как одновременно с дымом появлялось пламя, что явно не давало иллюзии белого морского тумана и могло привлечь внимание врага. В следующей главе мы расскажем о всей операции в целом, о дальнейшем просачивании информации и о том, как была обеспечена внезапность операции.

ГЛАВА XIX

НАБЕГ НА ЗЕЕБРЮГГЕ

(1918)

2

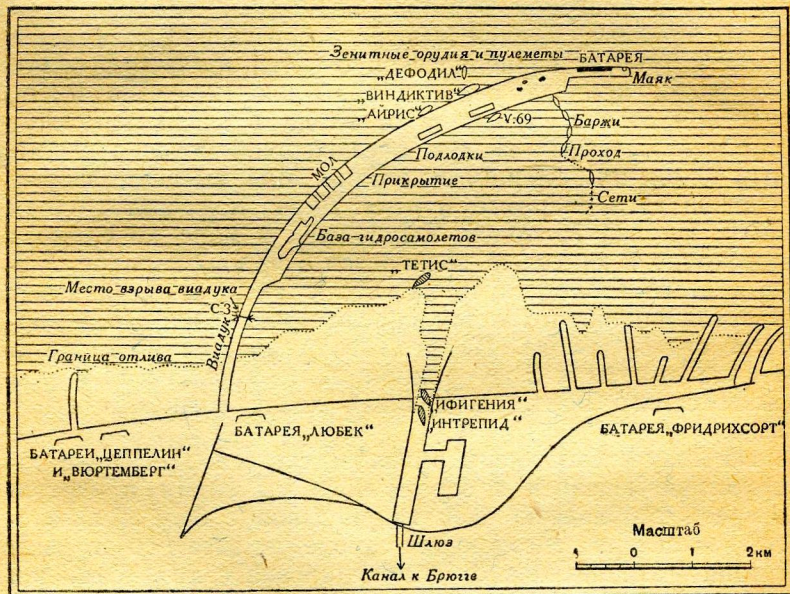
Маршал Фош, изучивший всю доступную ему военную литературу, в начале своей карьеры был назначен лектором высшей военной школы.

Перед его курсом стояла чрезвычайно серьезная задача — дать направление развитию военной мысли во Франции в тот период, когда новая французская армия возродилась из пепла старого режима, погибшего в огне испытаний во время германского нашествия 1870 г. Огромный материал, изученный Фошем, не был приведен в стройную систему мыслей, связанную единством идеи, что в сильной степени затрудняло построение курса. Уединившись в своем имении в Бретани, он сосредоточился на решении простого, но, по сути дела, основного вопроса: в чем же в сущности дело? «*De quoi s'agit-il?*» В чем же состоит в конце концов проблема, которую нужно разрешить? Этот небольшой вопрос указывает путь к успеху как

в войне, так и во всех областях человеческой деятельности. «В чем суть проблемы?» Выкинь из головы все остальное и сосредоточься на этом.

Я не раз пытался мысленно поставить себя в положение сэра Роджера Кейса, моего старого друга, когда он 1 января 1918 г. получил задание провести в жизнь план, выдвинутый им самим как руководителем планового отдела адмиралтейства 3 декабря: заблокировать выход каналов

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН ПОРТА ЗЕЕБРЮГГЕ (23 АПРЕЛЯ 1918 г.)

у Зеэбрюгге и Остенде с целью заградить путь германским подводным лодкам, находившимся в своей базе в Брюгге, отдаленной от берега и в то же время недоступной для атаки морскими силами. Одно дело вносить теоретические предложения, другое — нести самому ответственность за выполнение их на практике. Я помнил Кейса, главным образом, как хорошего наездника на охоте с гончими, и вспомнил также письмо, полученное от него впоследствии из Рима, где он был морским атташе: письмо показывало, что и там он увлекался охотой с гончими.

В чем же состояла суть проблемы в данном случае? Прежде всего нужно было запереть вход в канал у Зеебрюгге, как самый большой и самый глубокий: в 8 милях от Брюгге, 230 футов ширины, 25 футов глубины. Остенде находится в 11 милях от Брюгге, и канал между ними значительно уже. Какие же трудности должны были преодолеть блокшипы, прежде чем войти в канал Зеебрюгге — Брюгге? Чтобы уяснить себе эти трудности, необходимо рассмотреть прилагаемую схему.

Зеебрюгге, подобно всем другим приморским портам Бельгии и Северной Франции, подвержен действию морского прилива, причем гавань беспрестанно засоряется илом и требует периодической очистки землечерпалками. Во время прилива уровень воды на 12 футов выше, чем при отливе. К западу от входа в канал перекинут длинный железный виадук, соединяющий берег с огромным молом на бетонном основании. Мол, имеющий форму плавной дуги, закрывает гавань. Длина мола около одной мили, ширина 75 ярдов. Выходящий в море конец мола переходит в каменный волнорез в 5 ярдов шириной. Высота этого волнореза та же, что у вала, который имеет 8 футов ширины и тянется на всем протяжении вдоль морской стороны мола. На этом валу имеется бруствер в 3 фута высоты и 2 фута ширины. Весь вал на 14 футов выше самого мола. На крайнем конце волнореза стоит маяк.

На молу расположены имеющие серьезное значение сооружения. Начиная с берега моря мы видим в первую очередь германскую базу гидропланов с большим навесом, за ней ряд ангаров для самолетов, затем со стороны гавани — защищенная от бомбардировки с моря база для подводных лодок, далее — еще два навеса. Еще дальше, почти на конце мола, расположена укрепленная позиция для пулеметов, под обстрелом которых находится голая бетонная поверхность мола. Эти пулеметы защищают от атак с запада находящуюся на волнорезе батарею из четырех орудий калибром в 4,1 дюйма и двух орудий в 3,5 дюйма. Если бы блокшипы пытались обогнуть этот волнорез, чтобы попасть к месту своего назначения, к входу в канал, то они оказались бы под прямым обстрелом этих орудий; кроме того, блокшипам пришлось бы миновать препятствия, созданные стоящими на якоре баржами, расположенными к югу от внутреннего конца мола. Позади последней, расположенной к югу баржи находится вход в гавань, а за ним расставлены заградительные

сети — вплоть до того места, где вода слишком мелка для блокшипов.

Я уже упомянул о системе грозных батарей тяжелой артиллерии на всем протяжении бельгийского берега между Ньюпортом на западе и Слюисом на востоке до голландской границы. Ближе всего к входу в канал у Зеебрюгге, а именно, к западу от входа, помещалась батарея «Цепелин» (четыре орудия в 5,9 дюйма), батарея «Вюртемберг» (два орудия в 4,1 дюйма) и у берегового конца виадука — батарея из четырех 37-миллиметровых скорострельных орудий. К востоку от входа в канал на линии барж и сетей помещалась еще более мощная батарея «Гебен» с четырьмя крупными орудиями в 9,2 дюйма, а далее находились еще орудия и укрепления. На берегу в песчаных дюнах, по обеим сторонам входа в канал, от виадука до батареи «Гебен» тянулась линия окопов.

Таким образом, не говоря уже о навигационных трудностях, вызываемых изменениями курса при тяжелых условиях плавания, перед Роджером Кейсом стояла задача провести блокшипы мимо укреплений, защищавших глубокий проход, через который лежал путь к каналу. Был еще один трудно определяемый фактор — германские эсминцы и подводные лодки, которые в тот момент могли находиться в гавани вдоль внутренней стороны мола, где они были бы защищены от морской бомбардировки. Чтобы не слишком осложнять вопрос, мы рассмотрим проблему по частям, имея всегда в виду, что основой всего плана была необходимость сохранить тайну операции и ее внезапность.

Чтобы отвлечь внимание противника от блокшипов и овладеть укреплениями, было решено высадить десант на самом молу, на его морской стороне, а именно: на его восточном конце, позади упомянутой пулеметной позиции, которая держала под обстрелом всю площадь мола, расположенную к западу. Старый крейсер «Виндиктив» и ливерпульские паромные пароходы «Айрис» и «Дефодил» были выбраны для переброски этого штурмового отряда. «Виндиктив» должен был взять две роты, пулеметный взвод, 4 пулемета Льюиса, взвод траншейной артиллерии, 2 гаубицы в 7,5 дюймов, одну гаубицу калибром в 11 дюймов, 2 автоматических орудия «Виккерс-Максим» и две неподвижные мортиры Стокса. Все эти боевые части были взяты из морских войск — из королевской морской артиллерии и королевской морской легкой пехоты, и проходили предварительно специальную тренировку; «Виндиктив»

должен был взять с собой также морской десантный отряд, 2 роты матросов, команду подрывников и опытную команду огнеметчиков; «Айрис» должен был взять роту морской пехоты, 2 подвижные мортиры Стокса и 1 роту матросов; «Дефодил» — команду подрывников. По прибытии к молу штурмовые отряды должны были высадиться, причем перед морской пехотой ставилась задача ринуться к западу и занять весь мол, чтобы оттуда прикрывать штурмовые и подрывные команды моряков, которые должны были обрушиться на артиллерию, расположенную на волнорезе, и на неприятельские пароходы, стоявшие у внутренней стороны мола.

При выработке плана учитывалась также опасность подхода подкреплений на мол через виадук с берега. Поэтому две старые подводные лодки, наполненные взрывчатым веществом, должны были — после удаления с них команд — удариться о виадук, взорвать его и таким образом нарушить связь мола с берегом. Все это было великолепно задумано, но удастся ли это осуществить? Это могло показать только время. Американский морской офицер, о котором я уже говорил, напомнил о том, что писал Уолфи, имевший опыт поражения в подобном деле. Раз подобная атака начата, учил Уолфи, не нужно терять времени на пустые споры. «Нечего рассуждать, когда обнажен меч... Неуклонное движение вперед — единственная дорога к успеху, особенно в подобных предприятиях. Вы ничего не должны считать препятствием для затеянной вами операции, прежде чем вы в этом не убедились на деле. В войне нужно оставлять место для случая и счастья, помня, что война по природе своей есть дело риска и опасности».

Раньше чем вернуться к практическому осуществлению плана, последуем совету Фоша и сосредоточимся на существе проблемы, в сравнении с чем все остальное должно быть второстепенным. Некоторые впоследствии на первое место выдвигали героический штурм мола. Это было полезно постольку, поскольку помогало осуществлению главной задачи, которая состояла в том, чтобы доставить блокшипы к входу в канал. Два блокшипа из трех пришли туда; они были введены за мол эсминцем «Уориком», который вел под флагом вице-адмирала бесстрашный командир. Но я не должен забегать вперед, спеша к кульминационному пункту событий в день св. Георгия в 1918 г. (23 апреля). Предмет нашего положения — секретность, соблюдение которой обеспечивает внезапность.

Однажды я был свидетелем следующей сцены. Один бригадный генерал в присутствии фельдмаршала произнес речь перед офицерами на тему: как поступили бы великие мастера войны в данном положении? Фельдмаршал заметил: «Успех данного батальона зависел от того, объехал ли командир свои части для проверки, в полном ли порядке все необходимое — пулеметы, снаряжение и прочее, — а это в данном случае зависело, главным образом, от заботы о мулах. Поэтому давайте проверим, в каком состоянии упряжь этих мулов».

Доставка блокшипов до места назначения зависела от секретности, прежде всего — от секретной подготовки всей операции, затем от таких деталей, как, например, дымовая завеса. Создание же дымовой завесы зависело от определенного химического вещества, требовавшегося в больших количествах. А для изготовления его было необходимо специальное оборудование, что, в свою очередь, вызывало задержку, которая чуть не привела к крушению всего предприятия, как дальше будет показано. Мы можем теперь вернуться к 24 февраля 1918 г., когда сэр Роджер Кейс докладывал адмиралтейству о существенных успехах, достигнутых в подготовке к операции.

До 16 февраля, а может быть и несколько позже, Кейс рассчитывал, что все будет готово для операции к 19 марта, когда должен был быть высокий прилив и другие выгодные условия. Лунный свет мог явиться препятствием, и тогда операцию пришлось бы перенести на другую ночь. Для удачи дымовой завесы требовалось, чтобы ветер дул с моря. Вообще, для успешного осуществления подобного предприятия необходимо сочетание разнообразнейших благоприятных условий, но будем помнить, что счастье и удача иногда способствовали проведению самых смелых планов. Нельсоновский план нападения на датский флот у Копенгагена (в 1801 г.) является выдающимся примером этого рода. Нельсон предполагал отправиться со своей небольшой парусной эскадрой к югу, через один из проливов, ведущих в Балтийское море, стать на якорь, перестроиться, произвести соответствующую разведку в каналах и затем направиться к северу, через другой пролив к месту назначения. Для осуществления этой операции нужен был северный ветер на первой стадии ее и южный ветер — на второй стадии. И что же — ветер переменил свое направление как раз в тот момент, когда это требовалось!

Кейс убедился на опыте, что необходима огромная и

тщательная работа штаба для осуществления операции. Адмиралтейство одобрило его план 24 февраля. 4 марта он вынужден был отсрочить выполнение его по двум причинам. Приспособление блокшипов («Тетис», «Интрепид» и «Ифигения» — для Зеебрюгге, «Бриллиант» и «Сириус» — для Остенде) для операции отняло больше времени, чем ожидалось. Каждое из них было водоизмещением до 3600 *t*; для балласта был выбран бетон; мачты были сняты; но на судах было оставлено несколько орудий и поставлены аппараты для производства дымовой завесы. Специальная тренировка матросов и морской пехоты началась в феврале; для этого была построена модель зеебрюггского мола и изучались все детали операции.

Другая причина отсрочки — трудность получения необходимого количества химических средств (62 *t*) для дымовой завесы. Я не знаю, вправе ли я открыть состав этого химического вещества, и поэтому вернее будет упомянуть лишь о том, что для своевременного получения запаса этого химического средства пришлось обратиться к высшему правительственному органу. Нужный нам химический побочный продукт, который мы — чтобы скрыть его название — обозначим $X_2 Y_5 Z_7$, употребляется в сахарной промышленности; таким образом, приходится выбирать, что важнее — операция в Зеебрюгге или снабжение населения сахаром. Правительству приходилось во время войны часто сталкиваться с подобного рода проблемами, которые трудно было предвидеть при довоенных приготовлениях. Но этот случай с химическим средством — только один из примеров тех многочисленных мелких и мучительных препятствий, которые приходилось преодолевать, и я упомянул о нем в целях опровержения того неправильного, еще кое-где существующего представления, будто успех смелых операций при современных условиях является только результатом блестящей импровизации, немедленно проводимой в жизнь. Длительный период подготовки должен предшествовать тому быстрому и решительному движению вперед, которое Уолфи назвал «путем к успеху». Но чем длиннее период подготовки, тем труднее добиться внезапности, этого наиболее важного фактора. А мы ведь знаем из предыдущей главы, что уже в середине марта в казармах говорилось об истинной цели подготовляемых блокшипов.

4 апреля вся армада была собрана на уэст-суинском рейде у эссекских берегов, в 8 милях к югу от Клактон-он-

Си. На «Индустане» находились десантные отряды, предназначенные для «Виндиктива» и других судов. Команде разрешалось сноситься с родными лишь открытками установленного образца. Офицеры были осведомлены об операции. Туда же были стянуты блокшипы для Зеэбрюгге и Остенде — крейсер «Виндиктив» и ливерпульские парома «Айрис» и «Дефодил».

7 апреля Кейс посетил команды, которым предстояло участвовать в операции. Наконец, секрет был открыт всем участникам операции. В циркуляре, выпущенном Кейсом, говорилось: «Я вполне уверен, что будут сохранены великие традиции наших предков и что все бойцы проявят стремление сравниться в героических подвигах с нашими братьями во Франции и во Фландрии».

Все с напряжением ждали того дня — между 9 и 13 апреля, — когда условия прилива, лунного освещения, а также, как надеялись, и ветер будут благоприятны для операции. Привожу несколько записей из одного дневника.

«9 апреля. Отбой. Погода неподходящая.

10 апреля. То же.

11 апреля. Вышли в 4 часа пополудни. Но 12 апреля в 45 мин. пополуночи, когда мы были на расстоянии 16 миль от места назначения, операция была отменена. Ветер жестоко дул против нас».

Тут мы должны отметить одну интересную черту — мужество, которым должен обладать ответственный командир для того, чтобы отменить операцию на такой поздней стадии, будучи уже близким к успеху, если отсутствуют условия, дающие право на риск; по общему мнению, успех зависел от дымовой завесы, но она не могла быть пущена при неблагоприятном ветре. Как пример безнадежной операции вспоминается Тенериф и историческая фраза: «Боюсь повернуть назад».

Итак, флотилия вернулась, потеряв один из береговых моторных катеров, который сопровождал блокшипы, предназначенные для Остенде. Катер наскочил на мину, и команда его погибла.

В то время не было известно, что катер был отнесен течением к берегу — на восток от входа в остендскую гавань. Я потом смог познакомиться с одним германским донесением, в котором сообщалось, что германцы нашли на разбитом катере карту с интересными деталями, дававшими представление о целях отсроченного рейда. Это была карта № 125 («Остендская дорога»). На ней была

надпись черными чернилами: «№ 33, карта катера. 9 апреля 1918 г.», а кроме того, — разные пометки красными чернилами, включая и такую: «Моторные катера пускают дымовую завесу, чтобы скрыть приближающиеся блокшипы».

К этому автором донесения добавлено следующее: можно было догадаться, что подобная атака будет предпринята не только на Остенде, но и на Зеебрюгге, когда условия прилива, ветра и лунного освещения окажутся благоприятными, а такие условия, по его мнению, должны быть налицо в ночь 22 апреля. Я, однако, опасаясь, что донесение составлено позже и обнаруживает, что его автор «крепок задним умом». Ночь с 11 на 12 апреля была темная, без луны, и при обычных условиях в ночь с 22 на 23 апреля можно было ждать яркого лунного света.

Теперь вернемся к флотилии, которая возвратилась в свои базы. 13 апреля вновь была сделана попытка выйти в море, но условия опять оказались неподходящими и пришлось отложить операцию — на этот раз через 3 часа после отплытия. Можно было рассчитывать, что к 10 мая все условия — прилив, лунный свет и, может быть, также ветер — будут благоприятны, но адмиралтейство не хотело ждать более трех недель. Чересчур трудно было полагаться на то, что секретность, от которой зависел весильный фактор — внезапность, будет сохранена так долго. Казалось, что все предприятие рушится, что глубоко продуманный план и вся тщательная подготовка людей — все оказывается бесцельным. *Post nubila Phoebus* — «после ненастья — солнышко». Это было любимое выражение Нельсона. В течение пяти лет он был не у дел, и адмиралтейство его не жаловало, — вот почему он в трудные минуты нуждался в подобном выражении. Кейс заявил, что нет нужды ждать еще три недели и он готов сделать следующую попытку через 10 дней при полной луне. Неприятель наверно будет рассуждать, что только дурак может выбрать такую ночь, а если так, то можно надеяться на внезапность удара. Адмиралтейство дало свое согласие.

Результаты этого решения навсегда останутся в памяти англичан. Об этом уже много писалось, но мне кажется, что отдельные эпизоды еще не получили должной оценки. Поэтому я остановлюсь в следующей главе на событиях дня св. Георгия в 1918 г. и дня, ему предшествовавшего.

Нужно помнить, что высадка десанта на молу должна была отчасти отвлечь внимание противника от блокшипов, но в первую очередь следовало захватить или уничтожить орудия в конце мола, которые могли бы держать под обстрелом блокшпы и угрожать их свободному проходу.

ГЛАВА XX

ПОД ЗНАКОМ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

(22—23 апреля 1918 г.)

Мы намеренно так долго останавливались на подготовке, длившейся неделями, на борьбе с препятствиями, на попытках сохранить тайну для обеспечения неожиданности, на наступивших затем днях разочарования, когда 11 апреля при наличии темноты и прилива нехватало лишь благоприятного ветра. Теперь мы переходим к последней стадии — к выполнению операции.

Мы знакомы уже с сущностью плана — с намерением ввести у Зеебрюгге и Остенде заградители во входы каналов, ведущих в Брюгге: 3 блокшипа («Тетис», «Интрепид» и «Ифигения») у Зеебрюгге и 2 блокшипа («Сириус» и «Бриллиант») у Остенде. Выдвигалось еще в качестве главной задачи — предложение закупорить шлюзы у Зеебрюгге, но оно было отвергнуто на том основании, что неприятель мог бы быстро восстановить проход, взорвав верхние части блокшипа и открыв таким образом во время прилива путь для своих подводных лодок. Говоря об основных элементах плана, о роли блокшипов, о значении зеебрюггского мола и береговых батарей, мы, однако, не касались всех других факторов: роль мониторов, эсминцев, моторных катеров разного типа, а также морской авиации будет выяснена в ходе дальнейшего рассказа. Теперь мы сконцентрируем все внимание на Зеебрюгге.

В течение предшествовавших операции недель мониторы регулярно в определенное время производили бомбардировку Зеебрюгге. К этим «ночным посещениям» германцы настолько привыкли, что бомбардировка в ночь проведения операции не должна была произвести особенного впечатления. Авиация все время неумоимо вела разведку и производила фотосъемки.

22 апреля условия прилива были благоприятными. Германские радиостанции в Бельгии услужливо сообщили нам метеорологическую сводку. Как будто не было осно-

ваний предполагать, что ночью ветер подует с берега, отгоняя дымовую завесу в море. Если бы ночь оказалась ясной, то светила бы полная луна, но все же пришлось бы итти на риск. (На самом деле ночь была облачная, и шел дождь. Это помешало авиации из Дюнкерка принять участие в операции, но зато послужило прикрытием на море.)

Начиная с 1 часу 10 мин. дня различные части армады стали покидать свои базы. Из Дувра отправились 3 истребителя («Велокс», «Моррис» и «Мельпомена») для разведки севернее Зеебрюгге. В 15 милях от Зеебрюгге расположились легкий крейсер «Атентив», лидер флотилии, и 3 истребителя, назначением которых было отогнать неприятельские патрульные суда, которые иначе могли бы обнаружить основные силы; они должны были также сохранить в целости все навигационные знаки, которые указывали фарватер. Из Дувра ушел также истребитель «Уорвик» под флагом вице-адмирала Роджера Кейса. Вместе с «Уорвиком» отправились 9 истребителей, 2 подводные лодки, нагруженные взрывчатыми веществами, 1 минный тральщик, 18 береговых моторных катеров и 33 моторных катера. Назначение легких судов состояло в том, чтобы создать дымовую завесу, подобрать оставшихся в живых людей и совершить налет на неприятельские суда, скрывавшиеся внутри зеебрюггской гавани. Из Уэст-Суин ушли все блокшипы, а также «Виндиктив», «Айрис» и «Дефодил» с десантными отрядами. В определенном месте состоялся сбор всех судов, и в 9 час. 45 мин. вечера все знали, что на этот раз возврата не будет.

В 9 час. 45 мин. вечера главные силы с остановленными машинами расположились в 17 милях от Зеебрюгге под прикрытием дымовой завесы, пущенной крейсером «Атентив». Пока позволял дневной свет (до 7 час. 30 мин. вечера), флотилию сопровождали самолеты из Дувра. Тем временем гарвичская эскадра в 23 вымпела расположилась у голландского берега, чтобы обеспечить охрану флотилии от нападения неприятельских кораблей из германских баз в Северном море. Наступил момент, когда с блокшипов нужно было снять всю лишнюю команду — около 30 человек с каждого; но они просили, чтобы их оставили, и на это было дано согласие. Затем были закончены последние приготовления, все знали подробности плана. Время медленно тянулось, и, наконец, в 10 час. 30 мин. вечера наступил решающий момент.

Была ли сохранена тайна? Окажется ли нападение неожиданным для врага? Как будто — да. На пути не попало ни одно неприятельское патрульное судно, минные поля не были обнаружены. Ночь была темна, море спокойно. В эту темную дождливую ночь можно было лишь смутно различить контуры неподвижных кораблей. Легкий ветер с моря был благоприятен для дымовой завесы. На воде стояла тишина, которая была нарушена в 10 час. 30 мин. вечера, когда вся армада пришла в движение, направляясь к берегу.

Мониторы «Эребус» и «Террор» с сопровождающими их истребителями отделились, чтобы приступить к обычной ночной бомбардировке. Три истребителя («Уирльюинд», «Мингс» и «Мурсом»), изменив курс, отправились к «Велоксу», патрулировавшему к северу от Зеэбрюгге. Два других истребителя — «Тридент» и «Менсфильд», взявшие на буксир подводные лодки «С-1» и «С-2», нагруженные взрывчатыми веществами, ушли вправо, по направлению к виадуку, который соединял зеэбрюггский мол с берегом. С ними отправилось небольшое патрульное судно.

Предшествуемые «Уорвиком», «Фебе» и «Норзс-Стар», «Виндиктив», «Айрис» и «Дефодил» со своими десантными отрядами направились к большому молу со скоростью в 10 узлов. Вслед за ними со скоростью в 8 узлов шли главные герои дня — блокships «Тетис», «Интрепид» и «Ифигения», каждый в сопровождении моторного катера. Впереди всех судов шли 24 моторных катера и 8 береговых моторных катеров для создания дымовой завесы и, кроме того, 9 береговых торпедных катеров для атаки неприятельских судов в гавани. (Там, согласно германским официальным данным, было 7 истребителей и 7 береговых торпедных катеров; из них 3 истребителя и 4 торпедных катера были пришвартованы с внутренней стороны мола.) В течение 50 мин. флотилия медленно продвигалась в темноте по направлению к берегу.

Теперь проследим за ходом событий по часам.

11 час. 20 мин. вечера. Мониторы открыли огонь — обычное дело, повторявшееся в течение ряда вечеров.

11 час. 40 мин. вечера. Мелкие суда пустили густые клубы дыма, которые легкий северо-восточный ветер отнес к берегу в сторону мола. Но тут бриз стал затихать, и затем подул ветер с юга, относя дым обратно. Мелкие суда, поддерживаемые истребителями, намереваясь пустить новую дымовую завесу, подходили все ближе

и ближе к орудиям, уже к тому времени открывшим огонь с мола.

11 час. 56 мин. вечера. «Виндиктив» внезапно выплыл из дымовой завесы на расстоянии полутора кабельтов (300 ярдов) от батареи, расположенной на волнорезе. Настала пора отчаянных и решительных действий — высший момент напряжения, к которому вели все приготовления в течение месяцев.

Дорога была каждая минута. «Виндиктив» открыл огонь по береговым батареям. Мы не можем рассказать об этих событиях лучше, чем это потом сделала печать, откуда мы заимствуем следующее описание.

«Тем, кто находился на кораблях, казалось, что еле видный берег и скрытая гавань вдруг вспыхнули ярким светом. В воздухе разорвался один осветительный снаряд и затем десятки других. Колеблющиеся лучи прожекторов, ослепительно сверкая, рыскали повсюду; пламя орудийных взрывов подсакивало к небу; мрак ночи уступил место кошмарно яркому свету огня сражения. Пулеметы и орудия на молу и на берегу пробудились к жизни».

0 час. 1 мин. пополуночи в день св. Георгия. «Виндиктив» развил полную скорость и, вместо того чтобы пристать к волнорезу около батареи и позади пулеметной позиции, защищавшей батарею против возможного наступления по молу, очутился в 300 ярдах к западу прижатый к молу.

0 час. 4 мин. пополуночи. «Дефодил» со стороны моря прижимает «Виндиктив» к молу. «Айрис» подходит к молу впереди «Виндиктива», но в этом месте мола высадка невозможна. Десантные части «Виндиктива» пытаются штурмовать мол, но оказываются перед невыполнимой задачей: нельзя по молу продвинуться вперед в направлении батареи на волнорезе — пройти 400 ярдов открытого пространства, поливаемого пулеметным огнем. Хотя материальные результаты атаки были ничтожны, но она имела необыкновенный моральный эффект, и героизм, проявленный моряками и десантным отрядом на молу, был оправдан. Главная цель была достигнута — внимание оборонящихся было отвлечено от подходивших блокшипов, которым принадлежала главная роль в операции.

0 час. 15 мин. пополуночи. Подводная лодка «С-3», продвигаясь по поверхности со скоростью 6 узлов, пройдя последние 3 тыс. ярдов, отделявшие ее от основания виадука, подошла к назначенному месту, хотя и попала в свет берегового прожектора. Батарея «Вюртемберг» от-

крыла по ней огонь из своих 6-дюймовых и 4,1-дюймовых орудий, но по неизвестной причине вдруг прекратила обстрел. Подводная лодка выполнила свою миссию: был зажжен шнур, команда оставила лодку, и вскоре раздался страшный взрыв, который разрушил виадук на протяжении 100 футов, прервав связь между берегом и молом. Внимание противников было отвлечено в эту сторону, и среди них наступило смятение; говорят, что они по ошибке приняли приближавшиеся к входу в гавань блокшипы за свои корабли. Команда «С-3» благополучно добралась до сторожевого судна.

0 час. 25 мин. пополуночи. Блокшип «Тетис», эскортируемый тремя моторными катерами, миновал неповрежденные орудия на волнорезе и береговые батареи. Он обогнул заграждение, составленное из барж, но наткнулся на сеть, в которой запутались винты, что заставило его остановиться; пытаясь освободиться, он сел на мель к востоку от входа в канал; ему удалось сняться с места, но затем он снова сел на мель к западу от входа в канал, получив пробоину на ватерлинии от снаряда, выпущенного из орудия, находившегося на волнорезе. Уцелевшие моряки были подобраны сопровождавшим его моторным катером.

Блокшип «Интрепид» прошел мимо «Тетиса». Приказ предусматривал, что если в канал войдут три блокшипа, то один из них должен удариться в шлюз, а остальные должны заградить вход в канал снаружи шлюза. Там был потоплен «Интрепид», за ним последовала «Ифигения». Впервые в истории блокшипам удалось справиться с такой операцией при подобных условиях. Уцелевших моряков подбирали моторные катеры и истребитель «Уирль-уинд». Моторный катер «110» затонул. Моторный катер «282», в команде которого все были ранены, а некоторые убиты, подобрал 100 человек; он был перегружен, но встретил «Уорвика» как раз у выхода из гавани и в течение получаса передавал ему людей, включая раненых. В эти критические минуты истребитель и легкие суда участвовали в операции, поддерживая дымовую завесу. Истребитель «Норвс-Стар» был потоплен внутри гавани, «Фебе» спасла его команду. Береговые моторные катеры вошли в гавань и атаковали неприятельские суда, расположенные вдоль мола.

0 час. 50 мин. пополуночи. Сирена «Дефодила» дает сигнал десантным частям на молу возвратиться на суда. «Айрис», которому не удалось высадить свой десант на крутой мол, к этому времени стал рядом с «Виндиктивом»,

но было уже слишком поздно. При отступлении, несмотря на героические попытки команды одного моторного катера прикрыть «Айрис» своим дымом, последний был изрешечен снарядами и потерял 77 человек убитыми и 205 человек ранеными. Общее число наших жертв было: 176 убитых, 412 раненых и 49 пропавших без вести; потери немцев были значительно меньше.

Уолфи писал в XVII в., что потеря тысячи людей в подобном предприятии, затеянном в нужный момент, является для нации «скорее достижением, чем уроком, так как поднимает дух всего народа и его солдат». Можно ли сказать, что это подтвердилось и в данном случае? В Уайтхолле, центре всех государственных дел, где я в то время служил, это подтвердилось, так же как и во всем Соединенном королевстве и во всей Британской империи. Поток приветствий посыпался и из-за границы. От Хейга, стоявшего во главе британской армии во Франции, — она в это время все еще была «прижата к стене», сдерживая напор германской лавины, стремившейся докатиться до Ламанша, — было прислано следующее приветствие:

«От имени армии, находящейся во Франции, прошу принять самые сердечные поздравления по поводу успешной операции против Зеэбрюгге и Остенде. День св. Георгия действительно был подходящей датой для столь смелого подвига английского оружия».

Что же касается операции под Остенде, то она не удалась — отчасти потому, что немцы благоразумно убрали световые буи, обозначающие вход в канал, и перенесли их больше чем на 2 морские мили к востоку от постоянного места их нахождения; возможно, что документы, найденные на затонувшем береговом моторном катере, который был прибит к бельгийскому берегу 12 апреля утром, послужили для них предупреждением. Я считаю, что, если бы немцы заранее знали о подготовке набега на Зеэбрюгге, они были бы должным образом подготовлены, но тайна — главная цель разведки — была успешно соблюдена.

Мне кажется, что потом, в мае, Роджер Кейс послал старый «Виндиктив» в Остенде отчасти из чистой бравады. «Виндиктив» нашел там свою гибель. Команда его была подобрана «Уорвиком» у Остенде с тонущего моторного катера. «Уорвик», шедший под флагом вице-адмирала, вернулся из этой операции с кормой, пробитой миной (он был взят на буксир «Уирльуиндом», которому помогал «Велокс»). Хейг от имени армии 10 мая приветствовал и

эту операцию. Каковы бы ни были материальные результаты этой второй операции у Остенде, нет никакого сомнения в том, что тайна была успешно сохранена.

Я потому так подробно останавливался на этих исключительных эпизодах морской войны, что они особенно ярко показывают, какие результаты могут быть достигнуты сохранением тайны, тщательными приготовлениями и смелостью руководства в решающий момент.

В Зеебрюгге немцам удалось во время прилива вывести из канала мимо кормы «Ифигении» и «Интрепида» небольшие береговые торпедные катеры неглубокой осадки и небольшую подводную лодку. Позже на западной стороне канала были убраны два устоя и через илистый берег проложен новый проход. По краям были вбиты длинные железные сваи, и между этими сваями были во время прилива проведены на буксире истребители и более крупные подводные лодки, запертые в Брюгге в течение 10 недель. Таково было положение, пока Зеебрюгге не попал в руки англичан в октябре 1918 г. В 1920 г., после двухлетних работ, ливерпульскому обществу по подъему затонувших кораблей удалось убрать блокшипы и очистить канал.

Я посвятил три главы описанию рейда на Зеебрюгге, чтобы показать, какие результаты могут быть достигнуты при такой комбинированной «сухопутно-морской» операции, если только имеются налицо три условия: секретность, тщательная подготовка и смелость руководства.

ГЛАВА XXI

КУЛЬМИНАЦИОННЫЙ ПУНКТ СОБЫТИЙ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

(1918)

От увлекательного рассказа о Зеебрюгге мы теперь перейдем к описанию кульминационного пункта мировой войны, который наступил после четырех лет упорной борьбы, страданий и бесконечных жертв, после многократных, но неудачных попыток добиться решительной победы на западном фронте, во Франции и Фландрии, где были расположены главные германские армии.

В августе 1917 г. британская имперская армия на западном фронте достигла своей максимальной силы: численность ее была свыше 2 044 600 человек, в том числе 141 тыс. канадцев, 140 тыс. австралийцев и новозеландцев

и 7 тыс. южноафриканцев; кроме того, британский «туземный рабочий корпус» насчитывал около 90 тыс. человек. К концу года это число упало до 1 828 600; потери убитыми и ранеными составили 760 тыс. человек, значительные подкрепления были отправлены в Италию; в «туземном рабочем корпусе» насчитывалось 142 тыс. Германская армия была значительно усилена частями, переброшенными с восточного фронта, и основная масса ее стояла против значительно растянувшихся британских позиций. Неизбежным результатом было оттеснение пятой британской армии к Амьену, о чем мы уже говорили в одной из предыдущих глав, где осветили также работу разведывательной службы. Там же мы указали, что для успешной работы разведки необходимо изучать огромное количество материалов, поступающих из различных источников, и во-время делать нужные выводы.

Мы приступаем к описанию событий за период от большого наступления на пятую армию Гоуфа в марте 1918 г. до прорыва гинденбургской линии войсками Британской империи и США, которые нанесли последний решительный удар центральным державам и заставили их просить о перемирии на любых условиях. Для того чтобы дать детальное описание деятельности центральной британской разведки и ее полевых органов за этот период, понадобилась бы объемистая книга, да и она, пожалуй, не исчерпала бы вопроса. Но раньше чем перейти к этому, нужно сделать несколько замечаний о ходе главных событий на западном фронте с марта до конца сентября 1918 г.

Германское верховное командование, потерпевшее 5 апреля неудачу в своей попытке прорвать фронт британской пятой армии по направлению к Амьену или вбить клин между французской и английской армиями, атаковало в апреле линии расположения британских войск во Фландрии, куда были направлены несколько потрепанных в боях британских дивизий, снятых с амьенского фронта. Именно тогда (12 апреля) и был издан знаменитый приказ Хейга: «Мы прижаты к стене». Битва у р. Лис закончилась к 29 апреля вничью, и германцы опять не достигли своей цели. После этого армия Хейга получила возможность отдохнуть и пополнить свои силы, пока, наконец, в августе четвертая армия Роулинсона не предприняла наступление, которое будет описано дальше.

26 марта генералу Фошу было поручено координировать действия английской и французской армий, а 14 апреля

он был назначен главнокомандующим всеми армиями западного фронта — британской, французской и американской. Вскоре он обратился к Хейгу с просьбой перебросить несколько дивизий в помощь французам; он ставил себе целью снять несколько дивизий с французского фронта, чтобы образовать резерв для подготовляемой контратаки, ибо только таким путем можно было вырвать инициативу из рук неприятеля. Хейг согласился и послал 9-й британский армейский корпус. Петэн без всякого умысла расположил этот корпус в той части французского фронта, которая подвергалась сильной атаке с северо-востока во время боев у р. Эн (27 мая — 6 июня), когда французская часть фронта подалась назад и образовала выступ в сторону Шато-Тьерри на р. Марне.

Эта третья битва у р. Эн явилась полной неожиданностью для французов. Информация, полученная из первоисточников, показывает, что до 26 мая штаб Петэна ничего не сообщал о предстоявшей буре. В тот вечер Фоша спросили, не думает ли он, что в этом районе готовится большое германское наступление. Он дал отрицательный ответ и прибавил, что сведения о предстоящих атаках поступают к нему каждый день со всех концов фронта. (Интересно сопоставить с этим точные данные разведки о планах неприятеля, которые были получены накануне наступления на Гоуфа в марте 1918 г.)

Полковник Ф. Пиггот опубликовал рассказ о следующем эпизоде, относящемся «к концу мая» (точная дата не указана¹). Британский патруль взял в плен немецкого унтер-офицера, у которого был мешок с письмами солдат своей роты. В штабе британской второй армии долго и кропотливо изучали содержимое мешка, и эти поиски увенчались успехом. В мешке была обнаружена знаменитая «лаонская открытка», послужившая темой разговоров в течение многих недель среди английских разведчиков и в военных кругах. Вот что пишет полковник Пиггот:

«Сержант германских саперных войск писал из Лаона во Фландрию своему приятелю по прежней части. В этом письме он упоминал о порученной ему большой и важной работе, добавляя, что результаты этого скоро скажутся. *Это было первое указание на внезапный удар, который направлялся на участок французского фронта у Шмен-де-Дам 17 мая.*

С исторической точки зрения остается пожалеть, что

¹ «Army Quarterly», vol. IX, No 2, p. 239.

не указана точная дата, когда было получено сообщение о предстоящем наступлении. Но как бы то ни было, по заслуживающим доверия французским источникам видно, что германцам полностью удалось ввести в заблуждение французскую разведку о своем намерении начать большое наступление 27 мая 1918 г. В течение мая на французском фронте было взято очень небольшое число германских пленных. Основная информация, полученная от пленных, сводилась к тому, что германское командование постоянно предупреждало солдат о, якобы, предстоящем наступлении французов. Эти предупреждения, несомненно, давались с целью замаскировать работы по улучшению своих путей сообщения, которые немецкие солдаты могли наблюдать.

Германцы приняли еще один способ для обеспечения секретности: запрещались всякого рода отлучки в другие районы и в особенности преследовались всякие попытки подходить к походным колоннам с целью узнать, к каким частям они принадлежат. Группа французских пленных, которой удалось бежать и благополучно вернуться к своим частям, рассказала, что ее обстреливали германские солдаты, когда они очутились поблизости от такой колонны.

До вечера 26 мая, т. е. до самого кануна крупного германского наступления, «третий отдел» французской главной квартиры собрал лишь поверхностную информацию, на основании которой можно было делать вывод, что на фронте расположения германских войск все обстоит нормально. Отдел не располагал никакими данными о предстоящем наступлении крупного масштаба. Повидимому, в этот период дисциплина на германской стороне была еще превосходной. Правила о сохранении секретности и отлучках в другие районы соблюдались строго. Нужно полагать, что отсутствие информации у союзников о прибытии добавочной артиллерии объяснялось применением тех методов, посредством которых Гутье достиг успеха у Риги против русских в 1917 г. и против британской пятой армии в марте 1918 г.

Переходим к 26 мая. В этот день были взяты двое пленных, один младший офицер, а другой рядовой солдат. Младший офицер подозрительно охотно стал сразу давать показания (ложные), что германцы в этом районе наступать не собираются. Солдат, допрошенный отдельно, показал обратное, и допрашивавшие его могли сделать вывод, что наступление предстоит, и притом в самом близком будущем. Тогда офицер был допрошен еще раз,

и тут он дал более верные сведения. На основании этих данных, а также сведений, почерпнутых мной из других французских источников, я могу с уверенностью сказать, что французская разведка до 3 час. пополудни 26 мая не имела достаточно определенной информации и не могла предупредить высшее командование о предстоящей атаке. Вот чем объясняется позиция Фоша.

Ночи 24, 25, 26 мая были не особенно ясны, и работа воздушной разведки была затруднена. Довольно точные сообщения о передвижениях в тыловых районах были как будто получены от воздушной разведки 23 мая, но после этого, повидимому, ничего определенного не поступало, хотя мы теперь знаем, что огромные массы германских войск, не меньше 20 дивизий, двигались к югу, чтобы включиться в наступление. Отсюда вывод, что наступление явилось для Фоша неожиданностью, так как германцам удалось достаточно хорошо замаскировать свои планы и ввести в заблуждение французскую главную квартиру.

27 мая неприятель двинулся вперед и проник в линию расположения французских войск на 5 километров. На следующий день германцы перешли р. Эн на протяжении 18 миль. 29 мая пал Суассон, а 31-го неприятель был на р. Марне между Шато-Тьерри и Дорманом. В первые два дня июня разгорелись жестокие бои на р. Урк, но к ночи на 3 июня союзные войска, включая и американцев, отогнали неприятеля назад через Марну, и таким образом волна наступления была остановлена.

Я вынужден был довольно подробно остановиться на этих операциях, потому что неудачная работа разведки была причиной кризиса в объединенном командовании. Изучение этих операций имеет значение не только для выяснения роли разведки, но и для правильной оценки взаимоотношений Фоша и Клемансо, о чем напомнили сделанные недавно разоблачения. Версия Клемансо известна по только что опубликованным материалам. Что же касается версии Фоша, она изложена — в том виде, как я ее понимаю, — в составленной мной биографии покойного маршала. Никогда Фош не пользовался таким уважением английских наблюдателей, близко соприкасавшихся с ним, как во время этой критической битвы. Он, видимо, переживал момент сильного напряжения; на карту были поставлены его репутация, положение его как главнокомандующего и успех всех его планов. Напрашивался вывод, что он провалился — или вследствие

неправильной информации или в результате сознательного решения не давать подкреплений этому слабому участку фронта, чтобы сохранить резервы свежих войск для контрнаступления.

Фош имел перед собой неприятеля, а в тылу — напуганный верховный военный совет. Ему приходилось одновременно принимать меры к приостановке наступления врага и к успокоению своего начальства. Он успел и в том и в другом, и, если натянутость в отношениях между ним и верховным военным советом еще продолжалась некоторое время, это все же не помешало Хейгу откликнуться на дальнейшие просьбы Фоша о предоставлении британских дивизий для усиления французской части фронта. В июле Хейг передал ему 22-й армейский корпус.

Важнейшими событиями этого месяца явились: новая попытка Германии продвинуться к югу и добиться победы ударом по обе стороны Реймса 15 июля и большое контрнаступление Фоша 18 июля против западной части выступа у Шато-Тьерри, предпринятое со свежими резервами, которые он упорно собирал под командованием Манжена.

Мы уже воздали должное некоторым британским командирам, сумевшим обеспечить неожиданность удара путем приготовлений, проведенных в полной тайне. Если в дни, предшествовавшие амьенской битве в августе, Хейг и Роулинсон дали лучший британский образец хранения тайны во время войны, то они уже имели перед глазами хороший пример Фоша, который он показал в подготовке наступления Манжена 18 июля, явившегося переломным моментом в войне. О своих приготовлениях Фош не сообщал даже Хейгу. Может быть, нужно пожалеть, что он этого не сделал, но во всяком случае — как показывал предыдущий опыт — он был прав, сохраняя в тайне свои планы от своего собственного правительства.

Фош, как мы уже указали, 27 мая был захвачен врасплох крупной германской атакой на французскую линию фронта. В июле он был лучше осведомлен, но ошибся только в точной дате предстоявшего наступления: Фош ожидал его 14 июля, но это не оправдалось. Чтобы основательно разобраться в этом вопросе, нужно получить доступ к документам французской полевой разведки, но они недостижимы. Фош получил ценную информацию от британской авиации. Некоторые британские ночные бомбардировщики заметили линию огней, повидимому, на бивуаках, которые перед началом наступления каждую

ночь передвигались на юг. Возможно, что Фош ориентировался на основании этих донесений авиации.

Упомянутый просчет Фоша на 24 часа едва не привел к разрыву между ним и Хейгом. 12 июля Фош сообщил начальнику британского штаба — Хейг сам в то время был в Англии, — что он просит перебросить еще две дивизии к югу от Соммы. 13 июля Фош просил Хейга послать немедленно 4 дивизии вместе со штабом армейского корпуса на французский фронт, предлагая начать посадку в поезда уже 14-го в 4 часа пополудни. Кроме того, предполагалось держать наготове еще 4 британских дивизии.

Резервные силы принца Рупрехта стояли наготове, ожидая момента наступления против британской армии, и Хейг при желании имел полное основание опротестовать подобное требование перед своим правительством. Однако он согласился удовлетворить просьбу Фоша, написав ему одновременно письмо с просьбой объяснить, почему он переменяет свое мнение относительно положения на фронте. Нужно иметь в виду, что к тому времени за Фошем как главнокомандующим не было еще никаких заслуг, а за ним числился только злополучный выступ, образовавшийся на французском фронте 27 мая — 2 июня.

Фош, ожидавший начала германского наступления 14 июля, готовился к контрудару, но наступление не состоялось. Тогда он послал Хейгу сообщение, что он желает встретиться с ним на следующий день, 15 июля. Фош знал, что он может не попасть на это свидание, если дело обернется плохо, и в этом случае он предполагал предупредить Хейга, чтобы тот не выезжал. Германцы начали наступление рано утром 15-го. Встреча Фоша с Хейгом состоялась, но даже тогда Фош только намеком осведомил Хейга о своем плане. Лишь 17-го Фош сообщил Хейгу о предполагаемом контрударе, который намечался на 18 июля. Хейг хотел, чтобы 9-й британский корпус был ему возвращен, и писал об этом Фошу еще 17 июля; инцидент был исчерпан устным заявлением Хейга, что, если британские войска необходимы для достижения успеха, они, конечно, будут предоставлены.

Контрудар Манжена, нанесенный 18 июля, перетянул чашу весов в пользу союзников, и Фош навсегда вырвал инициативу у Людендорфа. С этого времени в руки британской разведки на амьенском фронте все чаще начали попадать свидетельства об упадке морального состояния германских войск, о чем мы будем говорить подробнее

в следующей главе, посвященной амьенской битве 8 августа. Лично я уверен, что наступление Манжена было бы не менее неожиданным, если бы Фош раньше доверил свою тайну Хейгу. Но если это можно считать ошибкой, то она вполне простительна. Результаты, к которым привела скрытность Фоша, лишний раз доказывают, как велико для успеха значение неожиданности и ее предпосылки — секретности.

Примечание автора. После того как была уже написана эта глава, стало известным, что разведывательный отдел армии США еще 14 мая пришел к выводу, что наступление на французов состоится 27 мая (см. *Лиддль-Харт*, Правда о войне 1914—1918 гг.).

ГЛАВА XXII

ХОРОШО СОХРАНЕННАЯ ВОЕННАЯ ТАЙНА (8 августа 1918 г. — «день траура» германской армии)

1

«Вводить противника в заблуждение и направлять его по ложному пути» — таков был девиз Стонуолла Джексона, ставший девизом британской армии; «действовать насильем и хитростью» — гласил девиз германской «Военной книги».

В основе того и другого лежит требование секретности и внезапности. Командир, умеющий держать в тайне свои планы и выведывать планы неприятеля, подобен зрячему боксеру, который борется со слепым. На некоторых, наиболее ярких примерах мы уже показали результаты нарушения тайны во время мировой войны, особенно при описании неудачи дарданелльской экспедиции в 1915 г. и нивеллевского наступления на западном фронте в 1917 г. Кто бы ни был в этих случаях ответственным за утечку информации, будь то солдаты, обозники, министры, салонные сплетники или уличные болтуны, — они несут ответственность за массовое избиение своих соотечественников на фронте и за неудачу операций.

Важное значение секретности весьма ярко показал успех британской контрразведки в августе 1914 г., описанный в одной из предыдущих глав. Другие примеры показали действия Алленби в третьей битве у Газы в октябре 1917 г. и в сражении у Меджиддо¹ в сентябре 1918 г. Операция сэра Роджера Кейса у Зеэбрюгге в апреле 1918 г. — пример такого же рода.

¹ См. главу XXV.

В обеспечении секретности особенно отличился маршал Фош накануне контрудара Манжена 18 июля 1918 г. Покойный лорд Роулинсон подобными же методами выиграл амьенский бой, начатый 8 августа; этот день и стал «днем траура» германской армии. Описанию этого боя посвящается настоящая глава.

В маневренной войне легче сохранить тайну, чем в позиционной. Если, например, неприятель вечером устанавит местоположение той или иной части, то в условиях возможности маневра ему трудно предвидеть направление дальнейших дневных или ночных передвижений. С другой стороны, на опыте многих месяцев окопной войны на западном фронте к лету 1918 г. обнаружилась необычайная трудность сохранения тайны при подготовке большого наступления. Однако четвертая армия Роулинсона сумела полностью сохранить тайну до момента наступления.

Это — рассказ не о похождениях тайных агентов, находившихся в распоряжении высшего командования. Это — рассказ о действиях командующих армиями, корпусами, дивизиями и бригадами и их штабов, о действиях командиров и их помощников на коммуникационных линиях; пожалуй, это — рассказ, главным образом, о том, как бойцы на фронте от командиров частей до рядовых солдат, избегнув соблазна поболтать, содействовали осуществлению плана. «Полковые офицеры и солдаты вели себя замечательно, — писал один мой друг, занимавший высокий пост в четвертой армии. — Они вникали в смысл отданных приказов, что подтвердилось информацией, которую мы получили из сводок германской разведки, захваченных нами после начала наступления».

Даже в третьей британской армии, примыкавшей к левому флангу четвертой армии, не имели представления о подготовлявшемся наступлении; там ничего не знали даже тогда, когда наступление уже началось. Я могу проиллюстрировать это следующим примером. Один офицер из ближайшей бригады третьей армии, отправляясь в отпуск в Англию, по пути заехал в штаб четвертой армии. Услышав сильную канонаду, он спросил, что это означает. Он понятия не имел о том, что происходит нечто необычайное. А между тем Роулинсон уже 16 июля доложил Хейгу о своем проекте наступления и тогда же получил указание продолжать приготовления. Маршал Фош, внесший в план некоторые изменения, одобрил его 26 июля, а 1 августа установил дату наступления — именно день 8 августа. Корпусные командиры армии Роулинсона узнали

о предстоящем наступлении 21 июля, дивизионные командиры — 30 июля, бригадные и батальонные командиры — лишь за полтора или два дня до наступления.

Во всем районе расположения четвертой армии были развешены плакаты в красках с общими указаниями относительно хранения военных тайн. В дополнение к этому, в расчетную книжку каждого солдата был вклеен листок с предостережением против излишних разговоров.

Даже военное министерство не было информировано. Начальник имперского генерального штаба сэр Генри Вильсон получил 22 июля лишь намек на то, что готовилось. Он записал в своем дневнике: «Встретил Роули в Аббевиле в 8 часов утра; он просил у Хейга 5—6 дивизий и танки, предполагает двинуться со стороны Вилье-Бретонне. Об этом, конечно, стоит подумать». План был выработан 16 июля, и дивизионные командиры армии Роулинсона имели его уже 21 июля. Генри Вильсон посетил потом Фоша и записал следующее: «Я рассказал ему о предложении Роулинсона; мы его обсуждали, оно понравилось ему». (Фош уже знал обо всем этом от Хейга с 17 июля.)

В наше мирное время, когда редко видишь на участке целую бригаду, трудно восстановить перед глазами полную картину мировой войны с ее массовыми армиями и огромными количествами военного снаряжения. Чтобы показать, как трудно было сохранить тайну при подготовке крупного массового наступления, остановимся на одном примере. Для проведения наступления нужно много крупномасштабных карт. К амьенской битве потребовалось не меньше 160 тыс. карт. Они выпускались армейским издательством и полевым топографическим батальоном. Так как большое количество подобных специальных карт какого-либо района обычно заказывалось, когда подготавливалось наступление в данном районе, то картографы легко могли сделать из этого соответствующие выводы. Чем меньше людей за пределами четвертой армии знали о тайне, тем больше было шансов ее сохранить. Вот почему изготовление карт для других армий поручалось картографам четвертой армии, а заказы на карты, необходимые для наступления самой четвертой армией, были распределены по разным армиям, чтобы таким образом избежать массовых заказов. Результаты показали, что этот прием оправдал себя.

Кроме того, всегда существовала опасность, что пленные, захваченные германцами во время набегов на наши

окопы, могут неумышленно выболтать кое-что неприятелю. По этому вопросу читались специальные лекции для всех чинов; относительное спокойствие на британском фронте от конца апреля до начала августа позволяло широко организовать чтение этих лекций.

6 августа, за два дня до начала наступления, неприятель захватил 200 британских пленных в Морланкурском секторе. Они были подвергнуты строгому допросу. Несколько дней спустя протоколы допроса были захвачены нами: из них явствовало, что пленные ничего не рассказали германцам о предполагавшемся наступлении. Между тем, один мой знакомый офицер разведки рассказывал мне, что в этот период войны ему удавалось получить от небольших групп германских пленных подробные сведения о расположении их окопов, о местонахождении их штабов, рот и батальонов. При допросах более значительных групп пленных получались также указания о местонахождении батарей, штабов дивизий и тыловых организаций. Этот офицер рассказал мне также анекдот, который стоит здесь привести, так как он показывает, какие применялись иногда способы для сохранения тайны.

Как-то была послана телеграмма, составленная по импровизированному коду, автором которого был один чиновник отдела снабжения. В закодированном виде телеграмма гласила: «Просьба прислать панталоны Нетти, так как панталоны Эльси слишком коротки». В этом заключалось требование на специальные виды снаряжения для фронта. Кто-то из высших офицеров, лишенный чувства юмора, запросил командующего армией, давал ли он разрешение на отправку таких совершенно непристойных телеграмм.

Этих немногих замечаний достаточно, чтобы показать, как была сохранена тайна внутри самой четвертой армии. Но в этой, как и в других операциях на основных театрах войны, главная опасность утечки информации таилась не столько среди войск на фронте, сколько среди работников на коммуникационных линиях и на базах, а также среди сплетников, военных и штатских, в глубоком тылу. Я уже упоминал о болтовне на одном завтраке в Лондоне, где разглашалась тайна о наших потерях в ютландской битве. Это могло нам принести много вреда, хотя и случилось после битвы. Но выдача тайны предполагаемого наступления во время окопной войны, которая велась на фронте протяжением в 300 миль во Франции и Фландрии, могла прямо привести к поражению. Для подготовки быстрого

наступления требовалось много недель; если бы неприятель заметил ее, то у него оставалось достаточно времени, чтобы подтянуть резервы к угрожаемой части фронта; главным образом, по этой именно причине большинство дорогостоящих атак не давало решительных результатов.

Во время подготовки наступления Манжена Фош подвергался нападкам со стороны верховного военного совета и других властей, политических и военных. Он скрывал свои соображения даже от Хейга, от которого он, тем не менее, требовал для усиления удара дополнительных британских частей. К сказанному выше об этом деле я могу добавить еще письменное сообщение, посланное Хейгом Ллойд Джорджу накануне наступления Манжена, — оно может послужить образцом доброжелательного сотрудничества со стороны военачальника, которого его коллега держал в неведении. Хейг писал:

«Я беру на себя риск, полностью сознавая, что если диспозиции Фоша окажутся неверными, то вина за это падет на меня. С другой стороны, если они окажутся правильными, то честь будет принадлежать Фошу. Правительство должно знать это заранее»¹.

Я могу удостоверить, что в Уайтхолле в общем ничего не знали о плане Роулинсона, даже тогда, когда четвертая армия уже начала свое наступление утром 8 августа 1918 г. У меня лично сложилось впечатление, что заранее ничего не знали также ни премьер-министр, ни военный кабинет. Но для этого у меня нет точных доказательств.

Когда я 20 лет назад имел смелость заняться чтением лекций о военном деле для студентов высшей военной школы, я, помнится, высказал предположение, что в штабе армии может всегда оказаться хотя бы по одному экземпляру следующих типов людей: 1) дурак — ему нужно сообщать все приказы, чтобы убедиться, что они составлены достаточно ясно и не могут быть использованы неправильно; 2) болтун — ему не следует верить настоящих секретов; 3) гибкий человек для «деликатных» и «скользких» поручений, доверенное лицо командующего — он должен снабжать тип № 2 (болтуна) сообщениями, распространение которых желательно. Я не знаю, были ли эти типы представлены в штабе четвертой армии Роулинсона, — я не изучал списков офицеров штаба его

¹ Подробно я рассказывал об этом в написанной мной биографии маршала Фоша.

с целью попытаться установить наличие этих типов из числа моих бывших студентов. Однако я могу дать некоторое представление о тех ложных версиях, которые распускались умышленно для распространения за пределами четвертой армии. Четыре или пять таких версий были предметом долгих разговоров.

«По секрету» распространялось сообщение, что канадский корпус предпримет вскоре наступление на гору Кеммель, ключевую позицию, которую французы потеряли в апреле. Этому слуху поверили многие, и бельгийский король Альберт даже обиделся, почему ему во-время не сообщили об этом секрете. Другой слух был связан с передвижением 22-го армейского корпуса, который Хейг недавно по просьбе Фоша послал в подкрепление французской армии. Для проведения атаки 8 августа нужно было сосредоточить позади линии фронта четвертой армии один кавалерийский корпус, канадский корпус и известное количество танков и артиллерийских батарей. Все были уверены в том, что передвижение этих частей вызвано тем, что они должны занять место 22-го корпуса. Мне кажется, что этот слух был умышленно пущен. Ходил еще «слух», что истинная причина усиления четвертой армии заключается в следующем: эта армия, якобы, получила приказ растянуть свой фронт вправо, чтобы там можно было снять с фронта французские войска, нужные для подкрепления их собственной армии в Аргоннах. У меня достаточно оснований думать, что все эти «правдоподобные» слухи исходили из штаба четвертой армии.

Мне кажется, я показал достаточно ясно, как тайна была сохранена в течение недель перед тем большим сражением, которое явилось важнейшим фактором в развязывании большого наступления, приведшего к победе союзных и объединившихся держав в 1918 г., между тем как все государственные деятели и почти все военные уже отказались от надежды на успех раньше 1919 г.

Нам остается коснуться в этой связи еще двух вопросов: во-первых, каким образом была обеспечена секретность в последние часы перед сражением, когда огромные массы людей и снаряжения сгущались на небольшом пространстве, представляя собой верную мишень для смертоносной газовой атаки, которая могла сорвать всю операцию; во-вторых, какие методы, помимо обычной работы секретных агентов и шпионов, применялись для того, чтобы раздобыть сведения о самых тайных диспозициях врага. В следующей главе мы сначала коснемся вто-

рого из этих вопросов, а описание секретно проведенной концентрации масс составит прелюдию к изложению событий кульминационного момента.

ГЛАВА XXIII

ХОРОШО СОХРАНЕННАЯ ВОЕННАЯ ТАЙНА

(1918)

2

Так как обе стороны находились в подземных окопах, то информация, собранная путем личного наблюдения разведчиков, не представляет большой ценности. Наиболее важные сведения о том, что происходит в тылу врага в четвертой армии, были получены от пленных и при помощи аэрофотосъемок. Любой пехотный офицер или солдат, участвовавший в окопной войне на западном фронте, вероятно, согласится со мной, что ни один приказ на фронте им не был так неприятен, как распоряжение о налете на неприятельские окопы и захвате пленных. Такая операция требовала тщательной подготовки; по крайней мере для некоторых участников она означала верную смерть. Но известным утешением могло служить сознание, что ценность такого налета не может быть слишком преувеличена. Полученная от пленных информация давала указания о том, где находятся пулеметные гнезда, установки окопных мортир, штабы отдельных частей. Когда начиналась атака, артиллерия концентрировала свой огонь на этих жизненно важных мишенях, спасая таким образом жизнь многих тысяч участников большой атаки.

Среди крупных партий пленных всегда находились толковые и в то же время разговорчивые люди, которые явно любили рисоваться своей осведомленностью. Основываясь на их показаниях, можно было установить, какие неприятельские части находятся непосредственно перед четвертой армией, но их заявления давали мало сведений о неприятельских дивизиях, находившихся в резерве в этом районе. Аэрофотосъемки оказывали большую услугу для проверки заявлений пленных, причем те или иные неясные пункты на фотоснимках получали свое объяснение при допросе пленных. Иногда батареи устанавливались в течение одной ночи и тщательно маскировались, сведения о них получались только от пленных.

Моральное состояние неприятеля — другой важный во-